

Э.Я. Заленский

Из записок земского врача

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э.Я. Заленский**
Из записок земского врача / Э.Я. Заленский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
186 с.

ISBN 978-5-517-98236-0

ISBN 978-5-517-98236-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— А ты, думаешь, вумный? Коли ежели старый человекъ тобѣ о дѣлѣ толкуе, ты долженъ слушать. Вотъ што, разлюбезный, дурья твоя башка! Нешто не чуешь, што въ вязель попалъ. Ты вотъ снараломъ то не сиди, а слѣзь, я те говорю. Ишь, коней-то умалять какъ! — въ отвѣтъ на „усмѣшку“ моего ямщика дѣльно замѣтилъ пьяный мужикъ, стараясь всмотрѣться въ меня своими едва раскрываемыми глазами. Такъ какъ нечего было возразить на такое замѣчаніе мужика, то ямщикъ мой, не долго „вразумляясь“, соскочилъ съ облучка и тѣмъ освободилъ отъ значительной тяжести передокъ тарантаса, который теперь безъ особаго усилія вытащили кони. Долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ охмѣлѣвшій мужикъ, покачиваясь въ стороны и качая головою, по всей вѣроятности, по адресу моего ямщика, у котораго вплоть до конца поѣздки не появилось уже больше желанія клеймить пьянство, отъ котораго трудно удержаться въ крестьянской средѣ. Въ высшей степени тряская и крайне тяжелая дорога тянулась верстъ на десятокъ, пока наконецъ не пошла по твердому каменисто-песчаному грунту. По бокамъ дороги стали попадаться каменоломни и котловины. Но снѣга и въ нихъ нигдѣ не было видно.

Отсутствіе суровой и снѣжной зимы помогло внешнему солнцу въ самое непродолжительное время вызвать весну. Небо было чисто и безоблачно. Яркій солнечный блескъ золотилъ свѣтлозеленый пушокъ обширныхъ озимей; воздухъ не производилъ рѣзкаго ощущенія сырости и легко вдыхался легкими; въ глубинѣ воздушнаго пространства тянулись углами и линіями стада „журавовъ“ и „лѣшихъ“ гусей и звенѣли невидимыя для глазъ жаворонки; въ придорожныхъ кустахъ, выкинувшихъ почки, покрикивали монотонно „холоденки“. Надъ однимъ промелькнувшимъ вблизи дороги селеніемъ мой ямщикъ открылъ даже нару „черногузовъ“, которые „грузно“ плавали въ воздухѣ. Ранняя теплая

весна сулила крестьянству урожай хлѣбовъ, вырѣваніе которыхъ уже высчитывалось къ Петрову дню. „Добрыхъ“ три часа трясся я въ тарантасѣ, пока не показалась деревня, конечная цѣль моего путешествія и невольное обнаруженное мѣсто глухой крестьянской „боли“, которая безуставно давить свои многочисленныя жертвы, не встрѣчая себѣ своевременно должнаго противодѣйствія. Бѣлая церковь, съ зеленымъ куполомъ и замѣтно покривившимся крестомъ, одна горделиво выдавалась изъ жалкой кучки приземистыхъ, крытыхъ соломой и рѣдко съ трубами крестьянскихъ избъ. Одна часть деревни стояла на краю ложбины, а другая, большая, скрывалась въ ней и тамъ раздѣлилась ручейкомъ почти на двѣ равныя части. На соломенной крышѣ, унизанной шапками плѣсени, крайней при вѣздѣ въ деревню избы мотался на шестѣ красный, истрепанный вѣтромъ, платокъ. Еще нѣсколько платковъ разной величины и цвѣта виднѣлось тамъ и сямъ надъ деревенскими „хороминами“. Эти платки замѣняли собою флаги, которыми полиція заставила деревеннаго старшину отмѣчать всѣ зараженныя избы. Въѣхавъ въ деревню по узенькой, необыкновенно грязной, улицѣ, намъ пришлось отыскивать земское училище, гдѣ мнѣ была отведена квартира и гдѣ уже долженъ былъ находиться фельдшеръ, высланный въ деревню нѣсколько раньше меня. На встрѣчу намъ безпрестанно попадались ватаги дѣтвора, находившей особое наслажденіе топтаться по вязкимъ лужамъ. Большинство мальчиковъ, въ возрастѣ отъ трехъ до пяти лѣтъ, было въ однѣхъ рубахахъ, поверхъ которыхъ у нѣкоторыхъ были одѣты „тяткины“ жилеты, на что указывала ширина послѣднихъ. Изъ дѣвочекъ также многія были въ однѣхъ только станушкахъ, т. е. рубахахъ, верхняя половина которыхъ шьется изъ ситца, а нижняя изъ холста. Нѣкоторые изъ „малышей“ обращали на себя вниманіе желтымъ цвѣтомъ волосъ и необыкновенно большимъ размѣромъ живота.

— Эй, ты, малка, подь-ка сюды!— обратился мой ямщикъ къ одному изъ мальчугановъ, который по росту казался старше другихъ. —А гдѣ тутъ у насъ школа?

— Вонъ, дяденька, гдѣ на стѣнкѣ-то буде два окна, такъ за тымъ жихаремъ сряду туточка и школа,—отвѣчалъ безъ смущенія мальчуганъ, лѣтъ такъ семи.

— Да на стѣнкахъ и много по два окна.

— Ну такъ ступай за Гаврюху!

— Да мы Гаврюхи не знаемъ.

Послѣднее обстоятельство смутило мальчугана, и онъ не зналъ больше что отвѣтить.

— Эхъ, ты, возгря! — послѣ всего этого замѣтилъ мальчугану ямщикъ и направилъ лошадей къ ближайшей избѣ, гдѣ намъ указали какъ проѣхать къ школѣ. Чистенькое одноэтажное деревянное зданіе школы, съ большими окнами, производило рѣзкій и пріятный контрастъ съ неуклюжими крестьянскими избами, скудно освѣщаемыми двумя или тремя крохотными окнами. Въ школѣ я засталъ фельдшера, занятаго приготовленіемъ какихъ-то порошковъ. Мой помощникъ оказался изъ запасныхъ ротныхъ фельдшеровъ, что уже видно было изъ его неизмѣннаго обращенія ко мнѣ со словами: ваше высокоблагородіе. Я помѣстился въ учительской комнатѣ. Она пустовала, такъ какъ учитель выѣхалъ на родину, счастливо перенесши горячку, которою заразился въ самомъ началѣ ея появленія въ деревнѣ. Благодаря услужливости помощника мое новое жилище въ самое короткое время было снабжено самою необходимою обстановкою, а чрезъ какихъ-нибудь полчаса у меня на новосельѣ шипѣлъ и самоваръ. За чаемъ отъ фельдшера я узналъ точнымъ образомъ о ходѣ эпидеміи и нѣкоторыхъ особенностяхъ деревенской жизни. Послѣдняя въ особенности хорошо была знакома моему фельдшеру, какъ чловѣку, вышедшему изъ крестьянской среды. Какъ простой зритель, онъ не имѣлъ ни чуть склонности преувеличивать свойственныхъ этой средѣ грубости

и невѣжества, которыя, если и поражали его иногда, за то никогда не находили въ немъ строгаго судьи къ себѣ. Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ характера этого простаго человѣка была его любовь къ заболѣвшимъ, за которыми онъ ухаживалъ неутомимо въ продолженіе цѣлаго дня. За такое теплое отношеніе къ своимъ больнымъ крестьяне охарактеризовали его человѣкомъ „старательнымъ“.

— Сейчасъ, ваше высокоблагородіе, больные попрутъ, — замѣтилъ фельдшеръ, напившись чаю и утеревъ рукавомъ пиджака вспотѣвшій лобъ.

— Куда попрутъ?

Все къ вамъ, ваше высокоблагородіе. Только все это хроники. Нѣкоторые что день освѣдомлялись о пріѣздѣ вашего высокоблагородія.

Было уже пять часовъ вечера. Время заставило меня еще позаботиться о своемъ прокормленіи.

— Гдѣ же вы здѣсь обѣдаете?—спросилъ я по этому поводу фельдшера.

— Да кормлюсь у сотчихи. Только здѣсь, ваше высокоблагородіе, относительно стола плохо. Мясца ни понюхать! Я, вотъ, питаюсь все яешнями да то-пленками.

— На нѣтъ и суда нѣтъ,—замѣтилъ я и хотѣлъ ужъ было отправиться къ сотчихѣ упросить ее взять еще одного нахлѣбника, какъ вдругъ тихо отворилась дверь и въ комнату вошла баба.

— Господинъ докторъ, тута штоли?—спросила женщина, уже не молодая, необыкновенно грязно одѣтая и заслонявшая рукою покраснѣвшіе, еле открываемые, глаза.

— Я самъ и буду,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, желанный ты нашъ! Сдѣлай ты такую милость, погляди ты мои глазыньки. Слеза, вотъ, такъ и пре, што изъ ручья. Все думается не стерялись ли глядѣльца. Третій годъ, вотъ, какъ маюсь съ глазами,—говорила баба.

— Да ты, тетка, лечилась ли когда,—спросилъ я, осматривая ее глаза.

— Какъ-то разка два три ѳздила въ городъ да не нашла польги што никакой. Такъ и бросила ѳздить.

Въ данномъ случаѣ была болѣзнь подѣ названіемъ трахома, которая превалируетъ среди другихъ глазныхъ болѣзней крестьянства, гдѣ чрезмѣрное распространеніе ихъ едва ли не зависитъ главнымъ образомъ отъ пыльныхъ работъ и въ частности отъ трески льна. Трахома у бабы была еще давняго происхожденія и по формѣ своей одна изъ тяжелыхъ. Здѣсь начиналась моя первая деревенская практика и возникалъ съ нею первый важный для меня вопросъ: что дѣлать? Ясно, что прежде всего я долженъ былъ убѣдить больную лечиться отъ запущенной болѣзни. Но я уже зналъ, что продолжительное леченіе для нашего крестьянства мало понятно. Ему подавай такія „снастія“, которыя, какъ онъ самъ говоритъ, „вывораживаютъ сряду“. Разъ отпущенное лекарство не принесло крестьянину быстрого облегченія, онъ или бросаетъ леченіе на время, или начинаетъ путешествовать сначала по рудометамъ, знахарямъ и разнаго рода костоправамъ: затѣмъ ищетъ „польги“ у проходимцевъ: странниковъ, богомольцевъ, поднадзорныхъ и тому подобныхъ; потомъ идетъ къ помѣщицамъ и понадьямъ и, наконецъ, снова возвращается къ „фершаламъ“ и „докторамъ“.

— У тебя, тетка, болѣзнь глазъ длительная. Сразу ихъ не поправишь. А лечиться тебѣ необходимо, а то ослѣпнешь.

— Родненькій, и въ насъ глупыхъ е такая поговорка, што сразу только блохъ ловя. Не затѣмъ стою. А ты все-жъ дай мнѣ такихъ капельковъ, которыя штобъ щипали. Въ городу допрежъ, знатъ, все воду давали. Сдѣлай ты такую милость, — пособи. Ничего, кажись, не пожалѣю. А то, самъ видишь, какая я таперь трудвица!

Баба несла деревенскую несообразность. Но такія несообразности не рѣдки у крестьянина. Съ одной стороны онъ сознаетъ, что не всякая болѣзнь

излечивается скоро, а съ другой вѣрить, что и отъ запущенныхъ, т. е. хроническихъ болѣзней есть „зелья“, которыя могутъ дѣйствовать такъ же скоро и вѣрно, какъ сказочная живая вода. Отпуская первую пациентку, я настойчиво совѣтовалъ ей не прекращать леченія, выполнение котораго тутъ же было начато моимъ помощникомъ. За этою больною не замедлилъ появиться мужикъ, который, подавая мнѣ три пальца широкой руки, отрекомендовался „тутопнимъ“ деревеннымъ старшиною. Старшина выдавался своею не совсемъ заурядною фizioномією. Скулы у него были необыкновенно широко развиты и плоское по этому лицу было вооружено огромнымъ носомъ, который, по мѣстной насмѣшкѣ, „кричалъ карауль, что щеки задавили“, т. е. былъ сине-багроваго цвѣта. Голова лишена была большей части „волосевъ“, отчего деревенскіе остряки „дражили“ его „босой маковкой“.

— Здравствуйте, вапе благородіе!— началъ старшина.

— Здравствуй! Что скажешь?

— Дѣльце тутъ е до вашей милости, да, признаться сказать, совсемъ пустяшное.

— Какое же такое?

Какое, спрашиваетъ? Да, вонъ, бабы заупрямившись: платковъ на флаки не хотя давать.

Можно вмѣсто флаговъ отмѣчать зараженные избы пучкомъ соломы.

— А што я таперь хочу спросить у вашего благородія,— послѣ нѣкотораго раздумья продолжалъ старшина.— Откелево пошло таперь эвто самое заведеніе вывѣшивать флаки? Отъ нихъ и посичасъ болѣсть никольки не уменьшается, а почитай, што увеличиваетъ. Вонъ, у мово сродственника заболѣлъ сынъ. Все шло, скажу тобѣ, ничово. Ну, а какъ выкинули флакъ, его трясушка пуще прежняго заколотила. И посичасъ лежитъ што туна... одно къ смерти вороте.

— Флаги вывѣшиваютъ только для того, чтобы видно было, гдѣ есть заразные больные.

— Такъ, такъ, — машинально протянулъ старшина и поспѣшилъ высказать, что предназначалось для меня.—Ну, а въ насъ по деревни такъ на счетъ того самаго совѣмъ другое бая. Таперь бая, што ежели гдѣ выкинуть флакъ, туды собирается вся болѣсь и тогды нѣтъ ужъ надежи, что больной оправится.

— Вѣдь ты самъ хорошо знаешь, что не вездѣ умирають больные, гдѣ вывѣшены флаги.

— Даже довольно хорошо вѣдаю эвто, баринушка докторь.—Тутъ старшина замолчалъ и, придвинувъ къ себѣ оставленный фельдшеромъ стулъ, медленно опустился на край послѣдняго. — Ну, а ежели таперь, началъ онъ снова, што кому на роду написано али за грѣхи послано, такъ вѣдь тотъ тое должонъ же получить? Такъ штоли? Вѣдь и болѣсти всѣ идутъ отъ Бога?

Volens nolens приходилось оппонировать деревенскому фаталисту, пришедшему къ присланному изъ города „докторю“ не столько по дѣлу, сколько изъ за любопытства которымъ въ сильной степени страдаетъ деревня по отношенію къ всякому новому лицу.

— Богъ-то-Богъ, да и самъ не будь плохъ, — замѣтилъ я.

— Эхъ, господинъ докторь, ваше благородіе! Наша то хворь за грѣхи намъ послана. Ее давно намъ пророчили, —значительно пониженнымъ голосомъ заговорилъ старшина.

— Кто жъ это могъ вамъ напророчить?

— Да былъ въ нашей деревнѣ не такъ давно одинъ странничекъ. Полудурокъ онъ не полудурокъ, а што праведникъ Божій, такъ эвто вѣрно, хошь кого не спроси. Такъ вотъ, братецъ ты мой, эвтому самому челоуѣку удостоилось суетрѣкнуть въ нашемъ бору святого мужа. И говоритъ тогды святой мужъ: челоуѣкъ праведный, надѣнь ты мой опорокъ на свою ногу, зажмурься правильно и што увидишь, скажи! И вотъ надѣлъ эвтотъ праведникъ опорокъ святого, зажмурился, какъ слѣдоватъ быть, и вдругъ

говоритъ: зелень вижу. А ну-ка таперь примѣрь другой опорокъ и опять таки, что видишь, скажи! И вотъ надѣль это праведникъ и другой опорокъ и вдругъ говоритъ святому: гробъ вижу. Такъ вотъ, сказалъ тогда святой, хлѣба ноньма у всѣхъ буде много, а только истъ буде некому, потому на людей моръ поиде по Божьему произволенью.

Только что выслушанный разказъ старшины вноси́дствіи мнѣ не разъ приходилось слышать и въ другихъ деревняхъ. Сочиненіе подобнаго пророчества, несомнѣнно, было вызвано ожидаемымъ по всюду раннимъ и „добрымъ“ урожаемъ и расхожденіемъ по всему обширному погосту такой приличивой „дури“, какъ сыпной горячки. Въ данномъ случаѣ сочинителемъ могъ быть какой нибудь юродивый, выдумка котораго, подобно волнѣ, понеслась по крестьянскому міру, гдѣ не выступили еще твердые „кряжи“, о которые могутъ сокрушаться всѣ подобныя нелѣпости. Большая половина чудовищныхъ разказовъ о скоромъ нарожденіи антихриста, появленіи мора, „страшенной“ войны и небесныхъ „привиженій“, какъ бы угрожающихъ несчастіемъ роду людскому, исходитъ отъ бродячаго люда, который во множествѣ шныряетъ по деревнямъ. „Шныни“ (старцы) гнусавымъ и жалобнымъ голосомъ тянутъ апокрифическаго содержанія божественныя пѣсни; разстриженное духовенство или монашество выдумываетъ цѣлебныя молитвы; богомолцы въ числѣ разныхъ диковинныхъ вещей втридорога продаютъ „цѣлительныя“ масла „съ костей угодниковъ Божіихъ“, а богомолки, поминая „матушекъ крестныхъ и бабушекъ пупорѣзныхъ“, являются и занимательными кумушками, и вмѣстѣ распространительницами разнаго рода суевѣрныхъ примѣтъ. Всѣ эти безпризорные проходимцы, раздружившіеся окончательно съ работой болѣе вслѣдствіе своихъ нравственныхъ, нежели физическихъ недостатковъ, не рѣдко разносятъ по крестьянству еще и заразныя болѣзни.

Выяснивъ причину распространенія горячки въ своей деревнѣ, старшина всталъ, собираясь уходить. Разставаясь съ нимъ, я еще разъ напомнилъ ему о необходимости отмѣчать какимъ-бы то нибыло способомъ зараженныя избы съ цѣлью болѣе скорого отыскиванія больныхъ, а главнымъ образомъ для предупрежденія отъ возможности зараженія людей „послухмяныхъ“.

— Што говорить! Эвто точно, што по флакамъ совсимв не трудно выискать больныхъ. Деревня наша къ томужь большая.

— Объ насъ заботиться вамъ нечего. Флаги нужны больше вамъ: по нимъ видно куда не слѣдуетъ ходить, чтобы не заразиться.

— Оно, конешно, ко всякой хвори съ опаской должно отнестись, а только, всежь думается, што ежели кому не суждено, тотъ не захворас. Ты, вотъ, послухай, што я тобѣ скажу, фамиллярно началъ старшина. Е у насъ въ деревни семья, такъ въ ей, не повѣришь, што всихъ перекатало въ эвтой самой болѣсти, а только одинъ и остался и посичасъ не тронуть.

— Можетъ-быть онъ когда раньше лежалъ въ горячкѣ? А разъ кто лежалъ въ ней, вторично ео не захвораетъ.

— Вотъ эвто твоя правда. Никакъ двѣ зимы назадъ енъ былъ боленъ, надоть пологать, эвтой самой горячкой и дотого. слышь крѣнко, што вси волосы повылѣзли. А всежь Богу, знать, не угодно, а то и теперь валяться бы ему. Ну, а теперь доповиданья-жь, ваше благородіе! Время и къ дому, оборвалъ наконецъ старшина нашу бесѣду и, многократно попрощавшись за руку, неуклюже перевалился черезъ порогъ.

Если имѣтъ въ виду, что мысли деревенскихъ обывателей, какъ и вся ихъ жизнь, слинкомъ общи и однообразны. то гостъ, только что оставившій меня сообщилъ мнѣ все, что въ данное время думала деревня про эпидемію горячки. Оказалось, что въ появленіи и распространеніи горячки деревня ви-

дѣла наказаніе Господіе за свои грѣхи. Первобытность подобнаго возарѣнія на болѣзни, до очевидности прилипчивыя, подчасъ не находитъ себѣ ни какого объясненія, тѣмъ болѣе что крестьянинъ путемъ наблюденія постигъ заразительную природу нѣкоторыхъ болѣзней. Для примѣра достаточно указать на чесотку или на „дурицу“, т. е., сифились, Чесотка настолько распространена въ крестьянской семьѣ, что ее можно назвать по преимуществу болѣзью деревни, гдѣ она имѣетъ не мало своихъ названій: забава, деруха, короста, знуда, нуда, скоботуха или скобель. Однако по деревнѣ эта тягостная болѣзнь распространяется уже не въ наказаніе Божіе, а исключительно потому, что она „дюже“ прилипчива.

-- Ишь, за коростой пошли, нерѣдко приходилось мнѣ слышать деревенскую остроту, направленную по адресу мужиковъ и бабъ, съ „зелениками“ подъ мышками ходившихъ аккуратно по субботамъ и передъ большими праадниками въ свои отвратительно скверныя бани.

— Господинъ дохторъ, нѣтъ-ли у тебя чего такого, што ни на есть покрѣпоше, отъ эвтой самой нуды? Рѣбятенки отъ сусѣдей занесли. И такая, слышь, пристала упорная, што нѣтъ отъ ней никольки сутерпу. Ночью такъ ижно въ кровь раздирябаешься,—такъ непрерывно обращались комнѣ чесоточные больные, указывая здѣсь уже вполне опредѣленно на свою болѣзнь, какъ на полученную путемъ зараженія и передачи отъ другихъ.

Не менѣе прилипчивою деревенскій обыватель считаетъ „дурницу“. Онъ давно убѣдился, что и эта „дурь“ не появляется ни съ того, ни съ другого, иначе сказать, сама по себѣ, а передается черезъ зараженіе отъ больныхъ ею людей. Считаая эту болѣзнь за калѣчащую всегда больного, деревенскій сифилитикъ тщательно скрываетъ ее отъ своего брата крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиво лечится отъ нея. На такое леченіе указываетъ и то немалое количество способовъ и средствъ, какое на-